ГЛАВА 6. Ритуальное совокупление

Бай Юйшу не могла дышать.

Она инстинктивно выгнулась и схватила ртом воздух.

Большая рука, державшая ее за горло, ослабила хватку, но все тело было прижато к земле, как будто скала придавила.

Очень медленно красная пелена перед глазами отдалилась и превратилась в прозрачный занавес над кроватью.

Занавес качался в такт движениям на кровати.

Бай Юйшу обнаружила, что, с задранными юбками, лежит под мужчиной. Та часть его тела, о которой неприлично говорить вслух, находилась у нее внутри!

Голова ее была полна тумана, сквозь который очень медленно начинало брезжить сознание.

Она чувствовала свое тело, чувствовала, как мужчина толкает ее и впихивает в нее свой большой член, но это все почему-то не очень ее волновало.

Страха не было.

Желания бороться не было.

Было только ощущение полной нереальности.

Было такое ощущение, словно она попала в одно из древних ритуальных совокуплений, во время которых пьяный шаман, призвав дух бога-покровителя, совершает с ним или с ней воображаемое соитие.

"...Мой господин сходит с небес в своем величии,

Стремительно пролетает он среди облаков...

Я приправила мясо душистыми кореньями,

Я налила вино из корицы и добавила перца...

Нравлюсь ли я тебе своим видом?

Приятно ли тебе мое обхождение?...

Пять нот звучат в гармонии..." *[10]

Только, твою мать, почему так больно?!

Откуда-то действительно доносилась музыка, как будто играли флейты и барабаны...

Мужчина закончил свое дело и молча приподнялся, облокотившись на руку.

Над ней нависло уродливое широкое лицо с жуткой бородой и маленькими, медвежьими глазами, один из которых смотрел ей в лицо, а второй - в сторону.

Бай Юйшу молча встретила его взгляд.

Он встал, привел в порядок штаны… Юбку! Он был не в штанах, а в длинной юбке, передняя половина которой, как фартук свисала спереди!

Он равнодушно посмотрел на нее полуприкрытыми глазами и опустил взгляд. Потом он нагнулся, протянул руку, и похлопал ее по щеке.

Кивнув на прощание, он вышел из комнаты.

С той стороны двери раздались приветственные мужские голоса и смех.

Растерзанная Бай Юйшу осталась лежать на кровати под красным пологом.

Какой-то бред.

Занавес над ней был соткан из нитей разной толщины с просветами между ними… шелк ша?! Настоящий?!

Далекие голоса звучали непривычно, отдельные слова, долетавшие до ее ушей, были как будто китайскими, и в то же время она не могла их разобрать.

С первой секунды она знала, что это не ее мир.

Ее органы чувств, каждый рецептор на коже, в сетчатке глаза, в ушных раковинах, каждая клетка памяти говорили ей, что все ощущения неправильные. Каждая молекула здесь была чужая.

Даже здешний воздух как будто легче проникал в легкие, и в то же время он был наполнен запахами, для некоторых из которых у Бай Юйшу не нашлось бы названия.

Бай Юйшу повернула голову.

Кровать была отгорожена ширмой из ярких алых лакированных панелей с черными орнаментами.

Роспись киноварью?

Ну, конечно! Они с же Чан ЯньЮанем спорили про царство Чу и древний Китай как раз перед…

Бай Юйшу зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать. Ее глаза были полны ужаса.

Она вспомнила.

И тут волна эмоций накрыла ее: и страх, и боль, и омерзение, и бесполезные сожаления, и отчаяние, и гнев, и злость на саму себя, и тоска по любимым людям, которых она больше не увидит. Воспоминания были в сто раз живее и ужаснее, чем то, что происходило с ней сейчас.

Она поняла, что это за мир, в котором она находится, - это галлюцинации ее гаснущего сознания.

Те несколько секунд, когда чувства уже отказали, и свет внутри постепенно меркнет.

Несколько секунд, до темноты.

Небытия.

Холодная темная вода поднималась вокруг нее, затопляла душу печалью и бесполезными сожалениями…

Мама, папа… простите меня.

Чан ЯньЮань, прости…

Она закрыла глаза и на прощание представила себе их любимые лица.

Маму… папу… Чан ЯньЮаня… Ван Джэкуня тоже… директора Лоу… Мао СинЮнь… преподавателя по истории китайской иероглифики с 4 курса… тетку-билетершу, которая иногда делала ей замечание, что кеды с короткой юбкой носить - это неженственно…

Гаснущее сознание не торопилось гаснуть.

А еще у нее болело в животе и саднило горло.

Она приподнялась на постели.

На маленьком столике стоял селадоновый*[11] кувшин с водой.

Бай Юйшу преисполнилась уважения к своему сознанию, которое, даже умирая, с такой профессиональной точностью воспроизводило аутентичную, художественную, выдержанную в духе времени обстановку: селадоновая посуда, резная мебель из самшита, шелковые ткани с геометрической каймой, деревянные хранители с ветвистыми рогами по углам… а! С такими выразительными надменными мордами! Повсюду - лакировка и бронза, украшенная филигранью.

Спальня тонула во всевозможных оттенках красного и малинового цветов.

Судя по обилию красного, воображение занесло ее в древнее царство Чу - без сомнения, в период Воюющих Царств.

Бай Юйшу приняла сидячее положение… ох! Движение отозвалось тупой болью внутри.

Что там творится, в этом ее сознании, если последние минуты жизни она провела, фантазируя, как ее насилует медведь?!

Бай Юйшу протянула руку, чтобы подобрать подол у юбки.

Рука была не ее.

Вместо крепкой загорелой ладошки, с мозолями от карандаша и альпинистской веревки, перед глазами маячила белая, мягкая кисть с гладкой кожей, словно изваянная из снежного нефрита. Бай Юйшу сокрушенно покачала головой. Но не все ли теперь равно?

Она подняла подол красного платья.

Я была девственница?! …?!

Что это вообще за игры разума?!

В детстве она читала очень трогательную сказку Ганса Христиана Андерсена. В ней говорилось, как за душой умирающего ребенка прилетел небесный ангел и потом носил его над землей в своих объятьях, и показывал ему самые дорогие места, чтобы он с ними попрощался и поплакал светлыми слезами. Еще они взяли на небо бедный засохший цветок, и бог прижал его к своему сердцу, поцеловал, и цветок расцвел, засиял, начал петь и славить господа.

Почему у других все красиво, а она сидит в растрепанных юбках на постели, вся грязная, с натертыми интимными местами?!

И с какой-то хренью, которая впивается ей в задницу?

Бай Юйшу сунула руку и вытащила из-под себя крупный красный финик, высохший и твердый.

Она подозрительно поводила глазами.

На полу валялись еще несколько фиников и были раскиданы семена лотоса.*[12]

Она недоверчиво потрогала пунцовый шелк своего платья, украшенный богатой вышивкой.

Это...

Это ее свадьба?!

Какого черта вместо того, чтобы тихо испустить дух, она вышла замуж за непоймикого в потустороннем мире?!

Она вспомнила жениха.

Она содрогнулась.

Она, наверно, уже в аду.

Но если она в аду, какой тогда смысл был украшать ее комнату всеми этими замечательными артефактами? В аду она должна страдать, а не любоваться искусством династии Чжоу, разве нет?

На расписных панно и планках повсюду были характерные обрамления со звериными мотивами: драконы и леопарды держали во рту собственные хвосты или сплетались парами в жестокой борьбе. Подставки светильников были оплетены змеями, что лишний раз свидетельствовало о том, что она находится в царстве Чу. Все убранство испускало ощущение силы и воинственности.

На покрытой алой киноварью спинке кровати были изображены два развесистых дерева со склоненными ветвями. На ветвях висели колючие фантастические плоды. Между деревьями стоял охотник с поднятым луком и отведенной назад рукой, как будто он только что спустил тетиву. С вершины дерева, головой вниз, падала подстреленная птица с растопыренными лапами.

Глаза Бай Юйшу заблестели, она же знала этот сюжет! Она принялась считать колючие плоды.

Раз, два, три, четыре... Конечно, десять!

В те времена, когда на Великом Шелковичном Дереве, поддерживающем небо в Бескрайних Пустошах на востоке, росли десять солнц, которые беспрестанно светили над миром, люди погибали от засухи, голода и жажды. Солнца рождались из крика трехногого ворона У и висели на ветвях, пока не приходила очередь выходить на небо. Жэнь И* (□□), Герой-лучник, застрелил ворона и своими волшебными стрелами сбил на землю девять лишних солнц. Он спас всех людей и стал легендарным правителем.

Бай Юйшу на четвереньках переползла по кровати поближе, чтобы рассмотреть роспись.

Дверь без предупреждения открылась.

Заняв весь дверной проем, огромный мужчина, молча смотрел на нее. Тот самый, за которого она, кажется, вышла замуж полчаса назад.

Стоя на четвереньках, Бай Юйшу смотрела на него.

- Ты что делаешь? - спросил он низким голосом, подозрительно сузив глаза, как будто не очень им верил.

- Роспись очень красивая, - честно ответила Бай Юйшу.- Я хотела посмотреть.

Он мерил ее тяжелым взглядом.

Он немного пошатнулся, шумно выдохнув некоторое количество алкогольных паров.

И захлопнул дверь.

Ушел.

(Бай Юйшу:) - ???

Она испытывала смесь облегчения и тревоги: а вдруг он разозлился и сейчас вернется, чтобы до конца задушить ее?

С другой стороны, как он может ее задушить в этом нереальном мире?

Однако, в этом нереальном мире ей было очень даже реально больно сразу в нескольких местах!

Она уселась на кровати, обеими руками ухватившись за деревянный резной столб с обвивавшей его толстой змеей. Она сидела, прижавшись виском к столбу и прислушиваясь к затихавшему шуму голосов и музыке где-то в других комнатах.

Очень скоро она обнаружила, что она к о всему прочему хочет есть! Она была жутко голодная!

Кажется там где-то пировали.

Потом голосов больше не было слышно - может, все уже разошлись? Может, где-нибудь на столе осталось что-нибудь, что она может украсть и съесть?

Бай Юйшу подняла голову от резной змеи.

Бай Юйшу на цыпочках подкралась к двери.

Она тихонько приоткрыла ее.

Она выглянула в коридор.

В коридоре стоял какой-то верзила с небритой рожей, который, сразу побежал на нее.

Бац!

Бай Юйшу спряталась в комнату и захлопнула дверь.

Fuck!

Значит, в коридоре засада.

Несчастная Бай Юйшу погрызла фиников, которые подобрала с пола, и запила водой из кувшина.

Усталая и голодная, она снова обняла свой прикроватный столбик и прильнула к нему головой. Она подумала, что никогда не увидит больше маму, папу, Чан ЯньЮаня, никого.

Ей было жалко их, ей было жалко себя.

Печаль и бесполезные сожаления…

Слезы полились из глаз.

Она закрыла глаза, и ее сознание наконец угасло.

---

*[10] Строки из "Девяти песней" □□ (ритуальные песнопения китайского царства Чу, призывающие духа-покровителя, записанные в 4 в. до н.э.)

*[11] селадон - зеленоватая керамика, часто покрытая сетью декоративных трещин. Техника появилась в Китае в эпоху Шан (2 тыс. до н.э.)

*[12] Кровать новобрачных усыпают красными финиками, семенами лотоса, арахисом и лунъянем.

---

http://tl.rulate.ru/book/80035/2481497